

Чаунина Н. В. «Лирический диалог» Н. Гумилева и А. Ахматовой : коммуникативный аспект / Н. В. Чаунина, Е. Г. Раздьяконова // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 275—286. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-275-286.

Chaunina, N. V., Razdyakonova, E. G. (2020). “Lyrical Dialogue” by N. Gumilyov and A. Akhmatova: Communicative Aspect. *Nauchnyi dialog*, 2: 275-286. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-275-286. (In Russ.).

УДК 821.161.1Ахматова.07+821.161.1.Гумилев.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-275-286

«ЛИРИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ» Н. ГУМИЛЕВА И А. АХМАТОВОЙ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

© **Чаунина Наталья Владимировна (2020)**, orcid.org/0000-0002-8999-4800, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова в г. Нерюнгри (Нерюнгри, Россия), chaunin@mail.ru.

© **Раздьяконова Евгения Геннадьевна (2020)**, orcid.org/0000-0003-4843-0512, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский горный университет» (Санкт-Петербург, Россия), Evgeniia.razdyakonova@rambler.ru.

В статье предпринята попытка анализа «взаимно адресованной» лирики Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой в рамках коммуникативного подхода. Новизна исследования видится в том, что определены особенности реализации диалогических интенций, обозначены принципы выражения адресованности в лирических текстах на уровне мотивно-образной структуры, изобразительно-выразительных и речевых средств. Осуществлен сопоставительный анализ художественной практики двух величайших поэтов XX века. Материалом для анализа послужили наиболее репрезентативные лирические стихотворения А. Ахматовой и Н. Гумилева 1900—1921 годов, содержащие эксплицитно или имплицитно выраженные установки на диалог, а также имеющие посвянительные пометы, которые указывают на адресованность друг другу. В результате проведенного исследования выявлено, что в стихотворениях Ахматовой и Гумилева присутствуют схожие коммуникативные сценарии, выбор и наполнение которых варьируется в зависимости от образа адресата, проблемно-тематической направленности, а также специфики лирической эмоции. Детально рассмотрен «инструментарий» коммуникативного взаимодействия, обусловленный биографическим контекстом, особенностями его личностной интерпретации, а также профессиональным и мировоззренческим развитием коллег по «Цеху поэтов».

Ключевые слова: коммуникация; стратегия; адресация; Н. Гумилев; А. Ахматова; лирика.

1. Введение

Коммуникативный подход к анализу текстов различной природы прочно вошел в научный оборот. Философы, политологи, психологи, лингвисты, литературоведы изучают вопросы о принципах порождения адресованного дискурса, личности авторов или трансляторов информации, формируют представление о межличностном взаимодействии субъектов как настоящего, так и прошлого и прогнозируют возможные варианты такого взаимодействия, разрабатывают рекомендации по наиболее эффективному осуществлению коммуникации в различных речевых ситуациях [Асташина, 2015; Гордеева и др., 2013; Лашов и др., 2014; Ржанова, 2011 и др.]. В поле внимания исследователей находится и художественный текст как продукт акта коммуникации. Например, И. Г. Бабенко рассмотрела специфику отражения коммуникативного потенциала слова в лирике М. Цветаевой [Бабенко, 2001]; Е. С. Палеха, используя коммуникативный подход, выявила принципы воплощения стратегии самопрезентации лирического героя в поэзии Н. Гумилева [Палеха, 2010]; Т. С. Круглова охарактеризовала «адресованную» лирику М. Цветаевой в коммуникативно-жанровом аспекте [Круглова, 2008]; Н. В. Чаунина затронула вопрос об инвективной направленности лирики А. Ахматовой [Чаунина, 2017] и т. д.

Выбранный в данной статье подход к анализу лирических текстов А. Ахматовой и Н. Гумилева представляется актуальным: он позволит обнаружить и проанализировать возможные реализации коммуникативных сценариев во «взаимно адресованной» лирике.

«Так как в каждом обращении есть некоторое волевое начало, то поэт для того, чтобы его слова были действенными, должен ясно видеть соотношение говорящего и слушающего и чувствовать условия, при которых связь между ними действительно возможна» [Гумилев, 2006, с. 241], — эти слова Н. С. Гумилева подтверждают важность «стратегической» работы автора с художественным текстом.

Далее обозначим некоторые теоретические параметры исследования.

2. К теории коммуникативного статуса лирического произведения

В широком значении под коммуникацией понимается взаимный обмен информацией между субъектами. Эффективность этого взаимодействия зависит от особенностей общения, индивидуальных особенностей коммуникантов, поставленной и достигаемой цели, самого предмета общения и т. д. От того, насколько отправитель информации заинтересован в ее получении и эффективности восприятия адресантом, зависит выбор средств и методов коммуникации. Направление речевого взаимодействия диктует

выбор «системы продуманных говорящим / пишущим поэтапных речевых действий», направленных на реализацию коммуникантами целей общения [Сковородников, 2004, с. 6].

Лирический текст также вписан в коммуникативную парадигму: он является связующим звеном между автором и потенциальным читателем, поскольку является «сообщением» и предполагает наличие участников речевого взаимодействия (как правило, в лирике они представлены имплицитно). «При отсутствии эксплицитного адресата (*ты*) — его (стихотворение. — *Н. Ч., Е. П.*) можно рассматривать и как обращенное к самому себе (т. е. имеет место автокоммуникация)» [Левин, 1998, с. 464]. Как адресатом, так и адресантом может выступать любой индивидуальный, обобщенный или собирательный образ. А поводом для коммуникативного акта в лирике, как правило, является потребность в выражении лирической эмоции. Образ адресата определяет и структурно-содержательную основу лирического текста. Диалог, по мнению Ю. М. Лотмана, может возникнуть только при наличии у собеседников общего культурного кода (когда их интересы совпадают) и «типа памяти» (у абстрактного и конкретного адресата объем памяти будет отличаться, отсюда и ротация адресаций для одних и других) [Манн, 1992, с. 162].

Таким образом, тип адресата диктует выбор предмета лирического осмысления, характера выражения и отбор тех изобразительно выразительных и речевых средств, которые позволят максимально эффективно осуществить коммуникативный замысел.

Рассмотрим, каким образом реализовались коммуникативные интенции в стихотворениях А. Ахматовой и Н. Гумилева, представляющих собой «лирический диалог». В условности этого диалога выражена специфика лирики как рода литературы — обращенность к одному адресату и одновременно ко всем читателям. Отсюда недопустимость буквального историко-биографического толкования лирического текста.

3. «Коммуникативные шифры» Анны Ахматовой

Стихи, адресованные А. Ахматовой Н. Гумилеву, являют собой художественную проекцию их личных взаимоотношений. Однако необходимо помнить о значительной доле художественного вымысла, специфической авторской кодировке, характерной для ахматовского творчества. Как известно, она намеренно указывала неверные даты стихов, обозначала адресатов инициалами или вовсе прятала их под масками вымышленных персонажей; некоторые тексты содержат лишь намеки на предполагаемого коммуниканта. Эти ходы, с одной стороны, были вызваны необходи-

мостью сохранить неприкосновенность личного пространства от «осквернения» случайным читателем. С другой стороны, обнаруживается прямая зависимость от политических угроз, нависших над многими творческими личностями в начале XX века. Н. С. Гумилев — один из первых в ряду пострадавших от произвола власти.

Отношения двух великих поэтов начинались с детской дружбы, затем переросли в юношескую увлеченность, развились в любовь, ставшую основой новой семьи, а спустя 4 года оказались на грани краха. Однако осталось нечто большее — близость единомышленников, чувство спаянности и нераздельности в работе над общим делом: созданием акмеистической школы. Это единение душ им удалось сохранить на всю жизнь.

Ранние ахматовские тексты, обращенные к Гумилеву, напоминают листки из дневника, фрагменты разговоров между двумя посвященными. Ахматова воспроизводит памятную ситуацию, возвращая коммуникантов в переживания из прошлого. Например, в стихотворениях «На руке его много блестящих колец» (1907), «Улыбнулся, вставши на пороге» (1908) прямые обращения к адресату замещает суггестивное погружение: лирическая героиня, отвлеченно раздумывая о женихе, избегает давать прямой ответ, вуалирует принятое решение, ссылаясь на благословение свыше (*Сохрани этот дар, будь мечтою горда!* [Ахматова, 1998, с. 10]), обнаруживает скрытую суть поклонника «пронзающим взглядом» (*Сквозь него я вижу пыль дороги ...* [Там же, с. 11]). Так выкристаллизовывается образ адресата — покорителя и искусителя женских сердец, выше всего ценящего личную свободу.

Здесь мы имеем дело с автокоммуникацией, опосредованным выражением лирической эмоции: она словно растворена в предметном мире, каждая деталь которого символически значима. Подобную ситуацию встречаем и в стихотворениях «Молюсь оконному лучу» (1909), «Пришли и сказали: “Умер твой брат” ...» (1910) и др.

Однако с нарастанием эмоциональной напряженности обнаруживается открытая конфронтация собеседников, показанная через взаимные обвинения в формах косвенной речи (*И когда друг друга проклинали / В страсти, раскаленной добела ...* [Там же, с. 18]) и прямых обращений (*Помолись о нищей, о потерянной* [Там же, с. 97]). Используются риторические вопросы и восклицания: *о, где ушедший друг?* [Там же, с. 18], *Хоть бы с неба грянул гром!* [Там же, с. 67], *Отчего же Бог меня наказывал / Каждый день и каждый час?* [Там же, с. 97]; «конфликтные маркеры»: *раскаленная страсть, яростная память, огненный недуг, неизбежные глаза* [Там же, с. 18]; просьбы-обращения: *Приходи на меня посмотреть* [Там же, с. 106],

Ты письмо мое, милый, не комкай [Там же, с. 111]; опосредованно-обличительные характеристики («Он любил ...», 1910; «Я живу, как кукушка в часах ...», 1911); описание саморефлексии лирической героини, вызванной чувствами стыда и страха перед выбором спутника жизни, страха одиночества («Я и плакала и каялась ...», 1911; «Как соломинкой пьешь мою душу», 1911) и др. Яркой точкой в мучительной истории двух поэтов стало стихотворение А. Ахматовой «Я не любви твоей прошу ...» (1914). Это стихотворение — язвительный вызов, хлесткая пощечина обидчикам. Тонко иронизируя, лирическая героиня выходит из унижительной ситуации с высоко поднятой головой, по-христиански отпуская «милого».

А. Ахматова использует богатый арсенал коммуникативных приемов: прямое и опосредованное обличение, дискредитацию оппонента, самопрезентацию и суггестивный монолог лирической героини, воссоздание атмосферы и детализацию предметного мира, включение психологического подтекста.

Сложные перипетии отношений двух великих поэтов нашли столь многослойное лирическое воплощение. Как известно, вскоре после свадьбы у Николая Степановича появились новые увлечения, что, безусловно, доставляло молодой жене немалые страдания.

После окончательного разрыва в 1918 году (в состоянии развода они были с 1914 года) их родственные узы по-прежнему были прочными. Анна Андреевна всегда беспокоилась за мятежную душу вечного странника и воина, предчувствовала грозящую ему опасность, а после гибели увековечила память о нем в поэзии. Ярким примером служат стихотворения 1921 года: «Не бывать тебе в живых ...», «Страх, во тьме перебирая вещи ...», «Чугунная ограда», «Заплаканная осень, как вдова» и др. Здесь наблюдается кардинальная смена ракурса восприятия ситуации: от гнева оставленной жены и христианского прощения к осмыслению трагической гибели близкого человека. Смерть неотвратима, как роковой приговор (*Не бывать тебе в живых / Со снегу не встать <...> любит кровушку русская земля* [Там же, с. 355]), она дышит в спину, караулит под дверьми. Дуло в грудь или гильотина — желанный путь к избавлению от этих страданий через принятие на себя участи казненного («Страх, во тьме перебирая вещи ...», 1921). Мир, а вместе с ним душевная гармония безвозвратно разрушены: *Боже, мир душе моей верни! / Запах тления обморочно-сладкий / веет от прохладной простыни* [Там же, с. 357]. Лирическая героиня берет на себя функции вполеницы, вдовы, провожающей невинно убиенного в последний путь («Чугунная ограда», 1921). Живущие обретут покой

только с забвением: *Забвенья боли и забвенья нег — / За это жизнь отдать не мало* [Там же, с. 367].

Подытоживая проведенный анализ ахматовских адресаций, можно отметить следующие особенности.

Ранние стихи, отражающие юношеские переживания, построены больше как медитативные размышления с редкими всплесками риторических восклицаний в моменты наивысшего напряжения, прямые обращения к потенциальному адресату практически отсутствуют. Изменение статуса лирических героев влечет за собой и трансформацию коммуникативных интенций. Так, оставленная мужем-странником супруга страдает от одиночества и скорбит о принесенной в жертву свободе. Используя сложные хитросплетения саморефлексии, запутанные риторические ходы (от мольбы к проклятию и наоборот), медитативные размышления, приводящие к прощению, принятию и смирению, лирическая героиня убедительно разоблачает ветреного и своевольного возлюбленного. Завершающим же звеном в цепи лирических обращений к Н. Гумилеву является ряд номинально-ритуальных стихотворений. Здесь лирическая героиня выступает как вдова, оплакивающая невозполнимую утрату, совершающая похоронный обряд. Личная трагедия вливается в поток общего народного горя: войны и политические репрессии сломают еще не одну жизнь. Мы можем обнаружить зачатки инвективных интенций, которые выльются у зрелой и поздней А. Ахматовой в антивоенную и разоблачающую сталинский террор поэзию [см. подроб.: Чаунина, 2017].

4. Особенности диалогизма лирики Н. Гумилева

Николай Степанович в своих лирических мистификациях пошел дальше супруги: он не датирует тексты, вольно меняет их названия, объединяет в циклы, сборники, книги стихов. Адресат редко обнаруживается в заголовочном комплексе, а в произведении его образ сложно идентифицируется в потоке культурных аллюзий. В нашем случае для анализа выбраны наиболее репрезентативные тексты Н. Гумилева, адресованность которых Анне Ахматовой подтверждена авторитетными исследователями творчества поэта или его жены.

Первые посвященные Анне Андреевне стихи появились вскоре после знакомства начинающего поэта и юной гимназистки (декабрь 1903 года). В стихотворениях 1904—1910 годов лирическая героиня выступает в разных мистически-романтических обликах: осени-Дриады («Осенняя песня», 1904), русалки, девы-ундины («Русалка», 1904), бледной девы, новоя Евы («Разговор», 1904), царицы («Отказ», 1907) и т. п. Сами тексты

воссоздают неповторимо-сказочную атмосферу таинственных преданий с неприступными невестами, трагическими поражениями. Так же, как и А. Ахматова, Гумилев погружает читателя в некую реальность, однако цель у лирического героя иная — очаровать собеседницу мастерством рассказчика, вызвать восхищение храбростью воина, повелителя, вождя: *Я властительный и чудный / Пел печальной бледной деве <...> / И мы в ту войдем обитель, / Царство радостных видений, / Где я буду повелитель, / Вождь волшебных песнопений* [Гумилев, 1998, т. 1, с. 77].

Лирическая эмоция передана аллегорически — через саморефлексию персонажа. А через использование сказочно-рыцарского или легендарного хронотопа осуществляется обожествление предмета поклонения. Лирическая героиня ограничивается невербальным откликом, как правило, холодным и бесстрастным: влекущие губы, унылые или ускользающие взоры («Анна Комнена», 1908); звонкий хрустальный голос («Отказ», 1908); острые, как сталь, глаза, алмазные черты лица («Царица», 1909) и т. д.

Антитетичность, оксюморонность повествования усиливает эффект присутствия коммуникантов в «параллельных» мирах. Например: *В моих садах — цветы, в твоих — печаль* [Там же, с. 224]; не любовь, а битва *глухая и упорная; отречение — покорность; враждующий друг; стоны любви — стоны мук* и т. д. [Там же, с. 274]. Это еще раз подтверждает двойственную, «романтическую» природу ранней лирики Н. С. Гумилева; см. подробнее: [Раздьяконова, 2013].

Своеобразным лирическим прощанием с романтическими иллюзиями, знаменующим переход к новому этапу жизни и творчества, стало стихотворение «Ты помнишь дворец великанов ...» (1910). Автор проводит своих героев через яркие, памятные обоим воспоминания беззаботного детства. Ностальгический настрой усиливается обращением-рефреном *Ты помнишь?*, а также перечислением знаковых деталей топоса: *дворец великанов, серебряные рыбы, падающие звезды*. Но сейчас все воспринимается иначе, потому что гимназисты выросли, в их душах поселилась скука: *Теперь, о, скажи, не бледнее, / Теперь мы с тобою не те, / Быть может, сильнее и смелее, / Но только чужие мечте* [Там же, с. 276]. Зрелость и мудрость лишили легкости полета. Стихотворение написано за несколько дней до свадьбы А. Ахматовой и Н. Гумилева. Новый статус и новые обязательства, вероятно, и вызывали тревогу лирического героя, скрытую в подтексте стихотворения.

Далее «коммуникативная история Гумилев — Ахматова» развивалась следующим образом.

1. Краткий восторженный гимн любви («Баллада», 1910). Лирический герой готов делиться со всем миром рецептом своего счастья: *Вот я нашел, и песнь моя легка, / Как память о давно прошедшем бреде <...> / Влюбленные, пытайте рок, и вам / Блеснет сиянье розового рая* [Гумилев, 1998, т. 2, с. 5]. Воодушевленный настрой передается потоком риторических вопросов и восклицаний, местоименных обращений (*вы, вам, вас*), повторов (*Влюбленные; Блеснет сиянье розового рая*), отсылок к античной (история Персея и Андромеды) и библейской (Адам и райский сад) мифологии. Показательна более выраженная «земная», акмеистическая образность, лирический герой отрекается от *лживого храма*, поклонения теням; он открыт новой счастливой жизни, о чем и заявляет своей избраннице.

2. Недовольство, перерастающее во враждебность (см. стихотворения 1910 года: «Нет тебя тревожней и капризней», «Ослепительное», «У камина», «Из логова змиева», «Тот другой» и др.). Если сначала лирический герой жалеет свою спутницу, готов помочь справиться с приступами «лунной болезни» (*Нет тебя тревожней и капризней, / Но тебе предался я давно* [Там же, с. 8]), то потом он начинает тяготиться данными перед алтарем обязательствами (*Я свет руками заслону / И буду плакать долго, долго, / Припоминая вечера, / Когда не мучило «вчера» / И не томили цепи долга* [Там же, с. 10]). Н. Гумилев пополняет арсенал средств коммуникативного воздействия. Он вводит прямые обращения к адресату, воспроизводя живой разговор, цитирует реплики, открыто критикует и размышляет в поисках выхода из отношений, зашедших в тупик. Если героиня А. Ахматовой осторожно намекает, подводя к ожидаемым выводам, то адресант Гумилева открыт к разговору «в лоб»: на кону личная свобода «вечного странника».

3. Разрыв. Он неизбежен и мучителен для обоих коммуникантов. Лирический герой чувствует свою вину за невозможность сделать счастливой избранницу, но не может больше оставаться рядом (*Я проиграл тебя, как Дамаянти / Когда-то проиграл безумный Наль* [Гумилев, 1998, т. 3, с. 85]). Прощальной точкой в этой истории является стихотворение 1918 года «Они спустились до реки». Это своеобразный перепев упомянутого выше стихотворения «Ты помнишь дворец великанов ...» (1910). Здесь также звучит тема памяти, но показана с позиций приобретенного опыта и извлеченных уроков. Для усиления эмоционального посыла Гумилев использует противопоставления «было — стало». Если в первом стихотворении в душе юных героев только поселилась скука, то в позднем — прошли годы уныния и печали. Но пройденные испытания дали мудрость, а соперничество сменилось примирением и прощением.

5. Заключение

Подводя итоги проведенного анализа лирических адресаций А. Ахматовой и Н. Гумилева, можно отметить, что при построении коммуникации оба автора идут сходными путями:

1. Склонны использовать опосредованную форму диалога, через воссоздание неповторимо-авторской реальности и со-беседование посредством погружения в ее атмосферу. У Ахматовой этот мир насыщен предметными и психологическими деталями, манифестирующими скрытые смыслы. Мир Гумилева проходит путь трансформации: от романтического хронотопа с рыцарством, героическими подвигами, прекрасными дамами сердца к амеистически-предметной реальности.

2. Диалогические интенции материализованы также по-разному. Женская линия в этом «диалоге» более сдержанна, героиня предпочитает вуалировать переживания, косвенно обращаясь в собеседнику через саморефлексию, вещные пометы; прямые диалоги с открытой оценочностью редки и фрагментарны. Лирический герой Гумилева, напротив, часто говорит от первого лица, приглашая к разговору; превозносит и порицает с той же прямолинейностью. Отсюда частотность риторических приемов, обращений, использования эмоционально-оценочной лексики. Безусловно, в этом проявляются личностные черты обоих авторов, а также их неповторимо индивидуальный стиль творчества.

А. Ахматова и Н. Гумилев шли рука об руку некоторый отрезок не только личной жизни, но и профессиональной — к литературному Олимпу. Они учились друг у друга и оттачивали свое мастерство, щедро критикуя и поддерживая в моменты творческих поисков. Это был действительно глубокий и многогранный диалог в творчестве, значительно обогативший художественную практику двух великих поэтов.

Источники

1. *Ахматова А.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904—1941 / А. Ахматова ; сост., подгот. текста, коммент. и статья Н. В. Королевой. — Москва : Эллис Лак, 1998. — 968 с.
2. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902—1910) / Н. С. Гумилев. — Москва : Воскресенье, 1998. — 502 с.
3. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910—1913) / Н. С. Гумилев. — Москва : Воскресенье, 1998. — 344 с.
4. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914—1918) / Н. С. Гумилев. — Москва : Воскресенье, 1998. — 344 с.
5. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии / Н. С. Гумилев. — Москва : Воскресенье, 2006. — 552 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асташина О. В.* Коммуникативные стратегии в организации / О. В. Асташина // Вестник науки и образования Северо-Запада России. — 2015. — № 4. — С. 7—11.
2. *Бабенко И. И.* Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М. И. Цветаевой : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. И. Бабенко. — Томск, 2001. — 234 с.
3. *Гордеева Ю. В.* К вопросу о коммуникативной цели в аспекте ее семантических и прагматических представлений / Ю. В. Гордеева, Л. П. Семененко // Ученые записки ОГУ. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2013. — № 1. — С. 245—248.
4. *Карепина Л. С.* Регулятивные стратегии воплощения образа адресата в лирике А. Ахматовой / Л. С. Карепина // Вестник ТГПУ. — 2012. — № 1 (116). — С. 255—258.
5. *Круглова Т. С.* «Адресованная» лирика Марины Цветаевой : коммуникативно-жанровый аспект : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. С. Круглова. — Москва, 2008. — 192 с.
6. *Лашов В. В.* Коммуникативные стратегии Л. Шестова / В. В. Лашов, Ю. Б. Сенчихина // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2014. — № 4. — С. 3—17.
7. *Левин Ю. И.* Лирика с коммуникативной точки зрения / Ю. И. Левин // Избранные труды : Поэтика. Семиотика. — Москва : «Языки русской культуры», 1998. — С. 464—482.
8. *Лотман Ю. М.* Текст и структура аудитории / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 томах. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. 1992. — Таллин : Александра, 1992—1993. — 479 с.
9. *Палеха Е. С.* Поэтический текст в рамках коммуникативного подхода (на примере стратегии самопрезентации в поэтическом дискурсе Н. Гумилева) / Е. С. Палеха // Ученые записки Казанского университета. — 2010. — Том 152, кн. 6. — С. 241—251.
10. *Раздьяконова Е. Г.* Гендерный и трансцендентный конфликт в творчестве Н. Гумилёва : неоромантическая трансформация «вечно женственного» / Е. Г. Раздьяконова // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. Выпуск 6. — 2013. — № 32. — С. 204—211.
11. *Ржанова С. А.* Коммуникативная стратегия в массмедиа / С. А. Ржанова // Вестник Мордовского университета. — 2011. — № 1. — С. 175—180.
12. *Сковородников А. П.* О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии / А. П. Сковородников // Риторика — Лингвистика : сборник статей. Выпуск 5. — Смоленск : СГПУ, 2004. — С. 5—11.
13. *Чаунина Н.* К вопросу о реализации инвективных установок в лирике А. Ахматовой / Н. Чаунина // Культура и цивилизация. — 2017. — Том 7. № 2. — С. 188—195.

**“LYRICAL DIALOGUE” BY N. GUMILYOV AND A. AKHMATOVA:
COMMUNICATIVE ASPECT**

© **Natalya V. Chaunina (2020)**, orcid.org/0000-0002-8999-4800, PhD in Philology, associate professor; Department of Philology, Technical Institute in Nerungri (branch of) M. K. Amosov North-Eastern Federal University (Neryungri, Russia), chaunin@mail.ru.

© **Evgenia G. Razdyakonova(2020)**, orcid.org/0000-0003-4843-0512, PhD in Philology, associate professor; Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russia), Evgeniya.razdyakonova@rambler.ru.

The attempts to analyze the “mutually addressed” lyrics of N. S. Gumilyov and A. A. Akhmatova within the framework of a communicative approach is analyzed in the article. The novelty of the study is in the fact that the particularities of the realization of dialogical intentions are determined, the principles of expressing addressing in lyric texts at the level of motive-shaped structure, visual-expressive and speech means are indicated. A comparative analysis of the artistic practice of the two greatest poets of the XX century is carried out. The material for analysis was the most representative lyric poems of A. Akhmatova and N. Gumilyov of 1900—1921, containing explicitly or implicitly expressed directives for dialogue, as well as devotional notes that indicate addressing each other. As a result of the study, it was revealed that in the poems of Akhmatova and Gumilyov there are similar communicative scenarios, the choice and content of which varies depending on the image of the addressee, the problematic thematic focus, as well as the specifics of the lyrical emotion. The “tools” of communicative interaction, due to the biographical context, the features of its personal interpretation, as well as the professional and philosophical development of colleagues in the “Workshop of poets”, are examined in detail.

Key words: communication; strategy; addressing; N. Gumilev; A. Akhmatova; lyrics.

MATERIAL RESOURCES

- Akhmatova, A. (1998). *Sobraniye sochineniy: v 6 t., 1. Stikhotvoreniya. 1904—1941*. Moskva: Ellis Lak. (In Russ.).
- Gumilev, N. S. (1998). *Polnoye sobraniye sochineniy v 10 t., 1. Stikhotvoreniya. Poemy (1902—1910)*. Moskva: Voskresenye. (In Russ.).
- Gumilev, N. S. (1998). *Polnoye sobraniye sochineniy v 10 t., 2. Stikhotvoreniya. Poemy (1910—1913)*. Moskva: Voskresenye. (In Russ.).
- Gumilev, N. S. (1998). *Polnoye sobraniye sochineniy v 10 t., 3. Stikhotvoreniya. Poemy (1914—1918)*. Moskva: Voskresenye. (In Russ.).
- Gumilev, N. S. (2006). *Polnoye sobraniye sochineniy. V 10 t., 7. Statyi o literature i iskusstve. Obzory. Retsenzii*. Moskva: Voskresenye. (In Russ.).

REFERENCES

- Astashina, O. V. (2015). Kommunikativnyye strategii v organizatsii. *Vestnik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii*, 4: 7—11. (In Russ.).
- Babenko, I. I. (2001). *Kommunikativnyy potentsial slova i yego otrazheniye v lirike M. I. Tsvetaevoy: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01*. Tomsk. (In Russ.).
- Chaunina, N. (2017). K voprosu o realizatsii invektivnykh ustanovok v lirike A. Akhmatovoy. *Kultura i tsivilizatsiya*, 7 (2): 188—195. (In Russ.).
- Gordeyeva, Yu. V., Semenenko, L. P. (2013). K voprosu o kommunikativnoy tseli v aspekte yeye semanticheskikh i pragmaticheskikh predstavleniy. *Uchenyye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki*, 1: 245—248. (In Russ.).
- Karepina, L. S. (2012). Regulyativnyye strategii voploshcheniya obraza adresata v lirike A. Akhmatovoy. *Vestnik TGPU*, 1 (116): 255—258. (In Russ.).

- Kruglova, T. S. (2008). «Adresovannaya» lirika Mariny Tsvetayevoy: kommunikativno-zhanrovyy aspekt: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).
- Lashov, V. V., Senchikhina, Yu. B. (2014). Kommunikativnyye strategii L. Shestova. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, 4: 3—17. (In Russ.).
- Levin, Yu. I. (1998). Lirika s kommunikativnoy tochki zreniya. *Izbrannyye trudy: Poetika. Semiotika*. Moskva. 464—482. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1992). Tekst i struktura auditoria. *Izbrannyye stati: v 3 tomakh, 1: Statyi po semiotike i tipologii kultury*. Tallinn: Aleksandra, 1992—1993. (In Russ.).
- Palekha, E. S. (2010). Poeticheskiy tekst v ramkakh kommunikativnogo podkhoda (na primere strategii samoprezentatsii v poeticheskom diskurse N. Gumileva). *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta*, 152 (6): 241—151. (In Russ.).
- Razdyakonova, E. G. (2013). Gendernyy i transtsendentnyy konflikt v tvorchestve N. Gumileva: neoromanticheskaya transformatsiya «vechno zhenstvennogo». *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, 32 (6): 204—211. (In Russ.).
- Rzhanova, S. A. (2011). Kommunikativnaya strategiya v massmedia. *Vestnik Mordovskogo universiteta*, 1: 175—180. (In Russ.).
- Skovorodnikov, A. P. (2004). O neobkhodimosti razgranicheniya ponyatiy « ritoricheskiy priyem», «stilisticheskaya figura», «rehevaya taktika», «rehevoy zhanr» v praktike terminologicheskoy leksikografii. In: *Ritorika — Lingvistika: sbornik statey*, 5. Smolensk: SGPU. 5—11. (In Russ.).